

С.Л. ФРАНК О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Некрасова Е.Н.

Основополагающие идеи замечательных русских мыслителей, представителей религиозной философии все еще обладают для нас мощной притягательной силой. Можно сказать, что эти люди являются нашими современниками – слишком небольшой исторический период разделяет нас. Слишком мало изменилась за это время ментальность русского народа и вытекающие из этой ментальности особенности российской истории и культуры. Поэтому многие идеи русских философов, высказанные ими в начале или в середине века, до сих пор сохраняют свою актуальность.

Франк отмечал специфику европейской культуры XX века, выявляя ее сложность, дисгармоничность и противоречивость. То, что раньше называлось смутным и неопределенным понятием “культура”, пишет он, что включало в себя общий комплекс достижений человека: науку, искусство, образование, воспитание, экономику, правовые отношения, технику, – все это целое, по Франку, разложилось в XX веке и оказалось сложным, противоречивым, несогласованным конгломератом. Сейчас нельзя говорить о какой-то единой культуре, понимая под ней и творчество Шекспира и количество потребляемого мыла, подвиги человеколюбия и совершенствования орудий убийства, философские идеи и устройство ватер-клозетов. Сплошь и рядом под тонкой пленкой утонченной умственной культуры можно наблюдать ныне черствость, жестокость, нетерпимость, при внешней чистоте и благопристойности душевную грязь и порочность.

В этом смысле и вера в “культуру” умерла в нашей душе, полагает Франк, и все старые, прежде бесспорные ценности подлежат пересмотру и проверке. Во всей окружающей нас общественной и человеческой жизни не находится больше опорных точек, не находится твердой почвы, на которую можно с доверием опереться. Современный человек как бы висит в воздухе среди какой-то пустоты или среди тумана и должен искать мужества и веры в себе самом.

Особенно пессимистически Франк оценивает вклад русского народа в строительство культуры, в оценке русской интеллигенции как носителя культуры, культурных традиций. Русскому интеллигенту, писал он, чуждо и отчасти даже враждебно понятие *культуры* в точном и строгом смысле слова. Это суждение кажется преувеличенным, ведь кто больше говорит о желательности культуры, об отсталости нашего быта и необходимости поднять его на высший уровень, чем именно русский интеллигент? Но тут дело не в словах, а в понятиях и реальных оценках. Русскому человеку, считает Франк, не родственно и не дорого, его сердцу мало говорит то чистое понятие культуры, которое уже органически укоренилось в сознании образованного европейца. Развитие внешних и внутренних условий жизни, повышение производительности материальной и духовной, совершенствование политических, социальных и бытовых форм общения, прогресс нравственности, религии, науки, искусства, словом, многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно-высшую ступень, – таково жизненное и могущественное по своему влиянию на умы понятие культуры, которым вдохновляется европеец.

Но у нас, по Франку, под культурой понимается то, что отмечено печатью утилитаризма. Когда у нас говорят о культуре, то разумеют или железные дороги, канализацию и мостовые, или развитие народного образования, или совершенствование политического механизма, и всегда при этом нам преподносят нечто полезное, некоторое *средство* для удовлетворения субъективных жизненных нужд. Но подобная утилитарная оценка культуры столь же несовместима с чистой ее идеей, как исключительно утилитарная оценка науки или искусства разрушает само существование того, что зовется наукой и искусством. Именно этому чистому понятию культуры нет места в умонастроении русского интеллигента; оно чуждо ему психологически и враждебно метафизически. Убогость, духовная нищета всей нашей жизни не дает у нас возникнуть и укрепиться непосредственной любви к культуре, как бы убивает инстинкт культуры и делает невосприимчивым к идее культуры; и наряду с этим нигилистический морализм сеет вражду к культуре как к своему метафизическому антиподу. Поскольку русскому интеллигенту вообще доступно чистое понятие культуры, оно ему глубоко антипатично. Он инстинктивно чувствует в нем своего врага, культура есть для него ненужное и нравственно непозволительное барство; он не может дорожить ею, так как не признает ни одной из тех объективных ценностей, совокупность которых ее образует. **Борьба против культуры есть одна из характерных черт типично русского интеллигентского духа;** культ *опрошения* есть не специфически-толстовская идея, а некоторое общее свойство интеллигентского умонастроения, логически вытекающее из нигилистического морализма. Наша историческая, бытовая непривычка к культуре и метафизическое отталкивание интеллигентского мирозерцания от идеи культуры психологически срастаются, согласно Франку, в одно целое и сотрудничают в увековечении низкого культурного уровня всей нашей истории.

Для русской революции, не только для ее вождей, но и для всего народа, характерна, по Франку, наивная вера во всемогущество науки, вера в то, что с помощью науки можно будет рационально организовать жизнь. Русская революция, обнаружив неслыханную вражду ко всей духовной культуре – к религии, морали, праву, искусству, – проявила страстную веру в техническую цивилизацию, технический разум. Эта вера в разум есть на самом деле нигилизм, доведенный до последнего предела, отрицание всяческих сверхчеловеческих начал, признание самочинного человеческого разума как высшей инстанции бытия.

Этой верой, верой в науку, верой в революцию, которая позволит “жить по науке”, жило преобладающее большинство русских людей из так называемой “интеллигенции”. Все научные теории, вспоминал Франк, оценивались не по их внутреннему научному значению, а по тому, клонятся ли они к оправданию образа мыслей, связанного с революцией, или, напротив, с “реакцией” и консерватизмом. Сомневаться в правильности дарвинизма, или материализма, или социализма означало изменять народу и совершать пре-

дательство. Не только религия, но и всякая нематериалистическая и непозитивистская философия были заранее подозрительны и даже заранее были признаны ложными, потому что в них ощущалось сродство с духом “старого режима”, их стиль не согласовывался с принятым стилем прогрессивно-революционного мировоззрения.

И когда в душах интеллигенции, начиная с 1905 года, этот пыл начал уже потухать, и, в особенности, когда интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара, огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих. Но еще и сейчас, по Франку, немало интеллигентов, людей, считающих себя мыслящими и разумными политическими деятелями, которые продолжают судорожно за нее цепляться, ибо боятся, утерев ее, утратить смысл жизни, хотя она давно уже утратила всякий смысл и значимость. “Идолопоклонство революционной веры заключалось не только в том, и даже совсем не в том, что она имела ложные или односторонние социально-политические идеалы, а в том, что она поклонялась своим общественным идеям как *идолу* и признала за ними достоинство и права всевластного божества. То, что сейчас погибло и крушение чего есть, быть может, единственное оправдание или единственный смысл всей общественной катастрофы, есть не только определенное общественное мировоззрение, а именно сама *качественная природа* ложной, идолопоклоннической веры”¹.

Болезненная раздвоенность русского национального духа выразилась у интеллигенции в сентиментально-мечтательном бессилии, с одной стороны, а с другой – в нравственной развращенности революционного черносотенства. То же и в нижних слоях – пассивная кротость и беззащитность доброго русского мужика и его же способность идти на темную исступленность погромов и пугачевщины. Такое понимание духовного источника нашей болезни указывает необходимую цель возможного возрождения. Эту цель Франк видит в пробуждении творческого мужества, основанного на смиренном сознании своей зависимости от высших сил и укоренности в них.

КАК ВОЗМОЖНА ДУХОВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Орлова Н.Х.

г. Санкт-Петербург. Россия

Революция 1917 года была той исторической точкой, в которой функция и значение русской интеллигенции нуждались в ревизии. Какова степень ответственности интеллигенции за трагедию революции? В чем ее судьба и грехи? И как возможна интеллигенция в новых условиях, с новым опытом своего поражения? В своей работе «Трагедия интеллигенции» [1] Г. Федотов подчеркивает, что интеллигенция есть явление историческое, а, следовательно, подлежит динамике исторических перемен и новых исторических задач.

В творчестве религиозных мыслителей Русского Зарубежья тема интеллигенции ставится остро и бескомпромиссно. Это была так называемая первая волна эмиграции. Она, по мнению исследователей, была событием эпохального значения, в результате которого за границы России была экспортирована культура, которая до сего времени Западу была недоступна и почти неизвестна. Для русского религиозного зарубежья Запад стал убежищем и одновременно очагом изгнанной из страны элитарной культуры. Это означало резкое усиление значения эмигрантов как фактора грядущего возрождения.

Эта задача запрашивала новой интеллигенции, которая отрывается от народа уже не по причине своей атонии, а по причине смены ролей. Русский народ, вихрем революции выдернутый из своих исторических корней, уже не мог решать задачу сохранения России. И новая интеллигенция, нацеливаясь на духовность, на религиозное сознание, на православие, как бы возвращала России возможность ее истории. Православие, которое «парализовано в массах, но живо в личностях» посредством новой духовной интеллигенции понималось как та сила, которая способна развернуть русский народ к его историческим корням, национальному самосознанию, нравственным ценностям.

Как пишет известный исследователь русского религиозного зарубежья Антуан Нивьер: «Поистине, священнослужители – особая глава в истории русской эмиграции. Это люди, преданные Богу и народу своему, люди, которые верили в будущее России и в духовную миссию Православия» [2]. На наш взгляд можно с уверенностью говорить, что в их среде зарождается новая духовная интеллигенция.

Общей господствующей тенденцией этого процесса было новаторство, стремление дать ответы на вопросы того времени, уход от «неподвижности» церковного консерватизма и грез прежней интеллигенции. Все это глубоко пропитано идеями мессианства, которые так эмоционально звучат в словах Г. Флоровского: «В русской смуте открылась снова и поставлена перед нами великая и жуткая задача духовного созидания и воссозидания. <...> И мы можем и должны быть не только сторонними зрителями, но и творческими соучастниками и совершителями русских судеб и русской судьбы, - не в порядке внешнего вмешательства, не в грезах о вторжении и насилии, но в творческом сопереживании, сострадании и преодолении трагизма русской души» [3].

Для новой духовной интеллигенции постулат истинной «русскости», реализовывался в том, что проблема сохранения православной культуры ставилась в центр всех смыслов. Следовало не просто физически выжить, но выжить для того, чтобы своим христианским служением, своим богословием попытаться дать ответы на вопросы, поставленные временем.

Здесь звучат идеи миссии русской эмиграции, которым была посвящена известная речь И. Бунина [4].

¹ Франк С.Л. Крушение кумиров. С.125.